Госквич Давид Самойлов стоит в ряду выдающихся поэосквич давид Самоилов столь 2 году тов, чье личностное становление пришлось на четыре страшных года Великой Отечественной войны. Некоторые с Великой войны так и не вернулись или умерли от ран: симбирец Николай Майоров, харьковец Михаил Кульчицкий, киевляне Павел Коган и Семён Гудзенко и многие другие. Они ушли из жизни молодыми, подарив нам фронтовые шедевры, но так, в сущности, и не выписавшись. Почти сразу после войны умер и П. Шубин. Однако провидение оставило в живых для русской поэзии — в послевоенные годы — целую поэтическую плеяду: А. Тарковского, С. Липкина, А. Твардовского, Б. Слуцкого, Ю. Левитанского, А. Межирова. И даже в этом ярком ряду Д. Самойлов вполне заметен.

«С такими лицами в наше время погибают», — вспоминал Давид Самойлов (по паспорту Кауфман), автор статьи «Кульчицкий и пятеро», о павшем в ходе Сталинградской битвы Кульчицком. Список находим в строках поэта Николая Глазкова: «А рядом мир литинститутский, где люди прыгали из окон, и где котировались Слуцкий, Кульчицкий, Кауфман и Коган».

Десятки стихов Самойлова станут популярными песнями, исполняемыми известными певцами и бардами, а его переводы Шекспира, Тагора, Брехта, Рембо, Аполлинера и других — польских, чешских, словацких, болгарских, венгерских, албанских,

эстонских поэтов – сочтут эталонными. Самойлов и в Союз писателей СССР будет принят как переводчик. И мало кто знает, что Давид Самуилович является автором сценариев к мультипликационным и художественным фильмам.

1 июня исполняется 100 лет со дня рождения этого поэта, мастера гениальной простоты и лаконичности при большой смысловой глубине, говорившего открыто: «Люблю обычные слова...». «Самойловские шедевры пронизаны двойственным чувством профессионального мастерства и счастливого неведения о смысле его», — так скажет критик.

Я благодарен судьбе за выпавшие возможности — живьем послушать голоса русских поэтов фронтового поколения, чьи сочинения люблю, чьи строки стали неотменимой частью моего внутреннего мира. Самойлов приезжал в Харьков в самом начале 1980-х и читал свои стихи целый зимний вечер со сцены переполненного Большого зала Дворца студентов политехнического института. Уже тогда знаменитые: «Вот и всё. Смежили очи гении. И когда померкли небеса, Словно в опустевшем помещении Стали слышны наши голоса....» А ставшие потом знаменитыми «Пярнуские элегии» тогда были в работе, понемногу писались, и поэт, прочтя харьковским любителям русской словесности несколько частей «на пробу», остался не очень доволен собой и залом. Но зрители просили еще!

Круг любви распался вдруг. День какой-то полупьяный. У рябины окаянной Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши, Окаянная рябина, Мне на свете всё едино, Коль распался круг души.

Думается, что сочинения Давида Самойлова о любви, жизни и смерти, войне стали в ряд русской словесности вслед за сочинениями Михаила Лермонтова, Дениса Давыдова, за русской

солдатской песней, песенными авторскими шедеврами времен Великой Отечественной.

Памятно и пронзительное стихотворение из шестнадцати

Памятно и пронзительное стихотворение из шестнадцати строк «Жаль мне тех, кто умирает дома...» (1947). Даже странно, что за семь десятилетий на эти стихи не написана песня.

Жаль мне тех, кто умирает дома, Счастье тем, кто умирает в поле, Припадая к ветру молодому Головой, закинутой от боли.

Подойдёт на стон к нему сестрица, Поднесёт родимому напиться. Даст водицы, а ему не пьётся, А вода из фляжки мимо льётся.

Он глядит, не говорит ни слова, В рот ему весенний лезет стебель, А вокруг него ни стен, ни крова, Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают, Что он в чистом поле умирает, Что смертельна рана пулевая. ...Долго ходит почта полевая.

Какой психологический, эмоциональный пласт взрывают здесь последняя строка, про долго ходящую полевую почту, и сама эта пара, увенчанная полнозвучной рифмой: «рана пулевая» и «почта полевая»!

Вспомним послевоенные слова самого Давида Самойловича. «У нас было все время ощущение среды, даже поколения. Даже термин у нас бытовал до войны: «поколение 40-го года»», — писал Самойлов о поколении своих друзей, тоже поэтов, «что в сорок первом шли в солдаты/и в гуманисты в сорок пятом». Поэтической «визитной карточкой» этого поколения стало одно из самых известных стихотворений Самойлова хрестоматийное «Сороковые, роковые» (1961).

Кто-то уверяет, что Самойлов не преодолел рамок советской идеологической и эстетической парадигм (тут можно поспорить), кто-то считает его вторичным, двигавшимся в поэзии по «накатанной колее» консервативного стихосложения, протягивая руку Пушкину, другим русским поэтам XIX века (а кому это во вред?). Пронзительна лирическая фронтовая тыловая маленькая поэма «Снегопад», написанная в год 30-летия Победы, с неувядающей остротой лирической памяти. В этом тексте особо явственно чувствуется самойловский отсыл к стилистике предшественников из Золотого века русской поэзии.

Летел, летел прекрасный снег, Струился без отдохновенья И оставался в нас навек, Как музыка и вдохновенье...

Учусь писать у русской прозы, Влюблён в её просторный слог, Чтобы потом, как речь сквозь слёзы, Я сам в стихи пробиться мог.

Остался в сердцах советских телезрителей невероятной силы и глубины романс Давида Самойлова «Память» (стихотворение 1964 г.), усиленный выдающейся музыкой Микаэла Таривердиева в конгениальном исполнении Иосифа Кобзона, — в телефильме «Ольга Сергеевна» (1975) режиссера Прошкина и сценариста Радзинского.

Я зарастаю памятью, Как лесом зарастает пустошь. И птицы-память по утрам поют, И ветер-память по ночам гудит, Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей, Все сказки начинаются с «однажды». И в этом однократность бытия И однократность утоленья жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь, Что возвращает образы и множит... Шумит, не умолкая, память-дождь, И память-снег летит и пасть не может.

Романс оказался к тому же, неожиданно для поэта, органично совмещенным с кинохроникой ежегодных встреч ветеранов-фронтовиков 9 мая в сквере у Большого театра.

Удивительна судьба ставшего народной песней стихотворения «Песенка гусара» из книги Самойлова «Голоса за холмами», собравшей стихи 1981-1985 гг.

Когда мы были на войне, Когда мы были на войне, Там каждый думал о своей Любимой или о жене.

И я бы тоже думать мог, И я бы тоже думать мог, Когда на трубочку глядел, На голубой её дымок.

Как ты когда-то мне лгала, Как ты когда-то мне лгала, Как сердце лёгкое своё Другому другу отдала.

А я не думал ни о ком, А я не думал ни о ком, Я только трубочку курил С турецким табаком...

Когда мы будем на войне, Когда мы будем на войне, Навстречу пулям понесусь На молодом коне. Я только верной пули жду, Я только верной пули жду, Что утолит мою печаль И пресечёт мою вражду.

Вряд ли нас должно ввести в заблуждение самойловское название «Песенка гусара», как ничуть не смутило казаков, резонно рассудивших, что эта песня, уж коли ложится на сердце и рассказывает о понятном, близком, важном, вполне может быть и «песенкой казака».

В своих воспоминаниях Самойлов признался: «Главное, что открыла мне война, — это ощущение народа». И вот сочинение это в несколько измененном виде во множестве поют и записывают, с некоторыми вариациями, как казачью песню с названием, данным по первой строке, «Когда мы были на войне», — начиная с хора имени Пятницкого, Кубанского казачьего хора и фольклорно-этнографического ансамбля «Казачій Кругъ», а также певицы Татьяны Сергеевой, разностороннего Петра Налича или Пелагеи (с адекватным певческим чувством, но и мешающей, жестко-агрессивной инструментовкой), заканчивая киноактерами. Распространенность — поражает: в 2009 г. на диске из серии «Антология одной песни» песня «Когда мы были на войне» была представлена в виде сорока семи треков разных исполнителей! Завидное попадание! Песня стала народной, хотя известно, что музыку написал бард Виктор Столяров.

Высшая честь для поэта — написать народную песню!

Давид Самойлов родился 1 июня 1920 г. в Москве в семье врача Самуила Абрамовича Кауфмана. Псевдоним поэт взял после войны в память об отце.

Биографы сообщают, что Давид окончил школу в 1938 г. и поступил в быстро ставший знаменитым Московский институт философии, истории и литературы (МИФЛИ) — объединение гуманитарных факультетов, выделенное из состава МГУ. Первая поэтическая публикация Самойлова благодаря его педагогу поэту Илье Сельвинскому появилась в журнале «Октябрь» в 1941 г.

С началом войны Самойлов студентом был мобилизован на рытье окопов, заболел, был эвакуирован в Ашхабад, где

поступил в военно-пехотное училище, по окончании которого в 1942 г. был направлен на Волховский фронт под Тихвин. В 1943 г. получил ранение, в первом же бою ему перебило руку, после госпиталя вернулся на фронт, стал разведчиком. В частях 1-го Белорусского фронта освобождал Польшу, Германию; окончил войну в Берлине. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Пулеметчику Самойлову доводилось писать письма по просьбе друга-бойца его супруге, как это рассказано в стихотворении 1946 г. «Семён Андреич» (С. А. Косову). «Алтайский пахарь, до смерти друг» Косов, с которым они «полгода друг друга грели», спас в 1943-м жизнь своему раненому соратнику Самойлову.

Он был мне друг, неподкупный и кровный, И мне доверяла дружба святая Письма писать Пелагее Петровне. Он их отсылал не читая.

— Да что читать, — говорил Семён, — Сворачивая самокрутку на ужин, — Сам ты грамотен да умён, Пропишешь как надо — живём, не тужим.

После войны Самойлов работал как профессиональный переводчик поэзии и как сценарист на радио. Свою первую поэтическую книгу — поэму «Ближние страны» — издал в 1958 г. и сразу, по мнению критика Л. Аннинского, занял свое место «в первом эшелоне фронтовой лирики». «Переклички с классиками слишком явны... Но почему-то пробивает озноб — признак великой поэзии. В тонких паузах четкой музыки — мелодия какой-то иной сферы».

И еще принципиально важное для поэта. Прочтя роман «Август 1914-го», отмечает критик, Самойлов бросает Солженицыну вызов на идейный поединок. Потом по здравому размышлению он от диспута в самиздате отказывается, но в «Подённых записках» яростно критикует роман за то, что там отрицается всё, что было после 1917 года. У Самойлова явно иной, чем у Солженицына, взгляд на отечественную историю.

С 1960 по 1975 год были написаны лучшие его стихи о Великой Отечественной войне. Имя поэта стало широко известно после выхода его поэтического сборника «Дни» (1970).

С 1967 г. Самойлов жил в деревне Опалихе под Москвой. Не участвовал в официозной писательской жизни, но круг его занятий и общения был широким.

Самойлов издал много поэтических книг, а также стиховедческую «Книгу о русской рифме», с тех пор популярную у молодых поэтов.

Книгу «Волна и камень» (1974) критики назвали «самой пушкинской» книгой Самойлова — прежде всего, по поэтическому мироощущению.

Поэт участвовал в создании нескольких спектаклей в Театре на Таганке, «Современнике», Театре им. Ермоловой, писал песни для театра и кино.

С 1976 г. Д. Самойлов жил в эстонском приморском городе Пярну. В тот период вышли в свет несколько его книг стихов.

С тех пор помнится полуторачасовой телевизионный авторский вечер поэта.

С 1962 г. поэт вел дневник, ставший основой для книги, изданной после его смерти — «Памятные записки» (1995). А в 2002 г. был выпущен двухтомник Д. Самойлова «Подённые записи», собравший все его дневниковое наследие.

Блистательный и своеобразный юмор Самойлова породил многочисленные пародии, эпиграммы, шутливый эпистолярный роман и другие произведения, объединенные автором и его друзьями в сборник «В кругу себя» (1993, Вильнюс), который выдержал потом несколько переизданий.

За два года до ухода из жизни поэт был удостоен Госпремии СССР.

Д. Самойлов скончался 23 февраля 1990 г., в день Советской Армии, в Таллине, на юбилейном вечере памяти Б. Пастернака, едва завершив свою речь. Похоронен в Пярну на Лесном кладбище.

В июне 2006 г. в Москве на доме, где поэт-фронтовик прожил более четырех десятилетий, с 1922 по 1966 годы, — на пересечении ул. Образцова и пл. Борьбы, была открыта мемориальная доска Давиду Самойлову.